

Миловидов Б.П. (Санкт-Петербург)

**Принц Георгий Ольденбургский и военнопленные Великой
армии в 1812 году**

Опубликовано: Принц Георгий Ольденбургский и военнопленные Великой армии в 1812 г. // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. Вып. III. / Труды Государственного исторического музея. Вып. 142. М., 2004. С. 107–124.

[107] Правовые нормы, регулировавшие положение военнопленных Великой армии в 1812 г. на сегодняшний день хорошо изучены. Этому вопросу посвящена часть диссертации В.А. Бессонова и ряд его статей.¹ Однако история и принятия тех или иных норм нам известны далеко не всегда. Хотя именно мотивы, обстоятельства принятия тех или иных решений, взгляды и представления их инициаторов во многом определяли и характер самих законодательных норм. Заметное влияние на принятие ряда важных правительственных решений, касающихся военнопленных в 1812 г. оказал племянник императрицы Марии Федоровны принц Георгий Петрович Ольденбургский (1784-1812). Принц Георгий получил образование в Лейпцигском университете, совершил путешествие в Англию и в 1808 г. в возрасте двадцати четырех лет приехал в Россию, где был назначен эстляндским губернатором. В 1809 г., женившись на великой княжне Екатерине Павловне, он стал генерал-губернатором Тверской, Новгородской и Ярославской губерний и главным директором путей

сообщения. Принц активно занимался развитием водных путей сообщения, к числу его заслуг относится создание Института корпуса инженеров путей сообщения, равно как и самого корпуса. Он известен тем, что выступал против чрезмерной строгости в наказаниях крестьян, предпринял целый ряд мер к окончанию накопившихся за много лет дел в судах. Находясь с августа по середину ноября 1812 г. в Ярославле, принц занимался созданием ополчения.

Военнопленные в 1812 г. на территорию Тверской губернии попадали из Смоленской, Владимирской и Новгородской (куда в свою очередь прибывали из Псковской). Из Тверской губернии они в основном двигались в Ярославскую, [108] и далее через Кострому в Вятскую и Пермскую губернии. В формировании маршрутов передвижения пленных сыграла важную роль и деятельность Ольденбургского.

16 июля 1812 г. Новгородский гражданский губернатор донес Ольденбургскому, что прибывшие в город несколько французских дезертиров «рассеивают по Новгороду вредные слухи, и тогда, когда я (то есть губернатор – Б.М.) выбирал из фабричных годных на службу, один из них (пленных – Б.М.) сказал, что все то будет их подножие». Губернатор предположил даже, что эти дезертиры специально направлены для ведения соответствующей пропаганды, и отправил большинство их в Петрозаводск.² А 17 июля тверской гражданский губернатор донес принцу Ольденбургскому, что смоленский губернатор отправил в Тверь с сопроводительными документами от генерала Римского-Корсакова нескольких пленных, в том числе и полковника принца Гогенлоэ. Тверской губернатор предписал полицмейстеру «отвести им квартиру, иметь от внутренней стражи

пристойный караул и каждый день о них доносить», а также требовать из казенной палаты деньги на их содержание.³

Получив эту информацию, 19 июля 1812 г. Ольденбургский направил из Твери рапорт императору Александру, в котором отмечал, что назначение в Тверь и Новгород пленных «весьма неудобно», так как эти города находятся близко к столицам и более того – на пути между ними. Далее он сообщал о своем приказании отправлять пленных из Новгорода в Белозерск, как самый отдаленный город губернии, и вместе с тем предлагал издать высочайшее повеление «дабы как пребывающие в Твери пленные французы были отсюда высланы ныне на жительство в Тамбов и Саратов, так и впредь присылаемые в Тверь и Новгород были туда же отвозимы.⁴ А до получения высочайшего повеления пленных из Твери генерал-губернатор приказал отправить в самый отдаленный город губернии (что и было исполнено – пленных отправили в Весьегонск).⁵ Александр одобрил предложение Ольденбургского, и 26 июля направил ему соответствующее повеление.⁶ Таким образом, было принято решение об отправлении военнопленных Великой армии в отдаленные от театра военных действий губернии и был намечен один из основных маршрутов их движения: Тамбов – Саратов. В дальнейшем география губерний, где должны были пребывать пленные, расширилась. Согласно циркулярному предписанию Министерства полиции от 29 августа 1812 г. пленным следовало отправлять в Пермскую, Оренбургскую, Саратовскую и Вятскую губернии,⁷ а Тамбовская, таким образом, превратилась в транзитную. После занятия Москвы французами сложились два пути движения пленных – южный через Тамбов и северный через Ярославль.

Определенную роль в формировании общероссийского законодательства о пленных 1812 г. сыграли донесения принца Ольденбургского императору Александру I [109] о положении пленных в Ярославле. Осмотрев одну из партий пленных, прибывших накануне в Ярославль, принц обнаружил, что «они босы, оборваны, одним словом в рубищах, которые дают им более вид нищих, нежели пленных». Кроме того, Ольденбургский заметил, что в партии много больных, и что по сообщению самих пленных, а также сопровождавшего их сельского заседателя, бывшие воины французской армии не получили ни денег, ни провианта, а «кормились они на пути единственно тем, что обыватели из жалости им уделяли». Тот же заседатель сообщил принцу, что подобным образом препровождаются вообще все партии пленных, «не быв ниоткуда ничем положенным для них при провозе снабжаемы и что обывателям весьма тягостно становится продовольствие сих партий без всякой за то платы». Об этом Ольденбургский 21 октября 1812 г. сообщил губернатору князю М.Н. Голицыну (1756-1827), который с 1801 по 1817 год был ярославским гражданским губернатором. Ольденбургский предписал губернатору: 1) немедленно донести от какого места военнопленные не снабжаются всем необходимым и почему больные не помещаются в больницы, 2) остановить указанную партию недалеко от Ярославля и снабдить их одеждой, провиантом и деньгами за все то время, за которое они этого не получали, 3) с помощью медицинского чиновника освидетельствовать всех пленных и поместить больных в городскую больницу, 4) «распорядить и наобласти», чтобы во время препровождения пленных по Ярославской губернии соблюдались все предписания главнокомандующего в Петербурге С.К. Вязмитинова. В

заключение он угрожал, что несоблюдение правил относительно военнопленных будет падать непосредственно на ответственность князя.⁸ В тот же день, 21 октября Ольденбургский направил предписание и тверскому гражданскому губернатору, где обрисовав ситуацию, сложившуюся в Ярославле, требовал донести, получают ли пленные при проходе через Тверскую губернию все необходимое, и подтвердил необходимость соблюдать нормы законодательства, регулировавшего положение пленных, в первую очередь циркулярного предписания Министерства полиции от 29 августа.⁹ Аналогичный документ был направлен и новгородскому гражданскому губернатору.

23 октября ярославский гражданский губернатор невозмутимо отвечал Ольденбургскому, что в случае недостатка продовольствия для пленных он всегда распоряжался об отпуске денег из казенной палаты, и что сведения о беспорядках, о которых пишет генерал-губернатор, до него не доходили. «Больные же, вероятно, при отправлении из последнего к Ярославлю города могли тогда еще следовать», - продолжал он. И «если приходят сюда пленные без одежды, не от меня зависит недопущение сего неустройства», так как снабжать их одеждой по распоряжению главнокомандующего в Санкт-Петербурге, велено при отправлении, [110] а Ярославская губерния – попутная. Далее Голицын ссылается на нарушения, допускаемые тверскими властями, пытаясь переложить часть ответственности на них. В частности губернатор сообщал, что кашинский земский суд отправляет пленных лишь в сопровождении нижних чинов и они двигаются не по прямому тракту, а «шатаются по селениям», а весьегонский земский суд препровождает пленных, не снабдив их достаточным количеством кормовых денег. Впрочем, Голицын сообщил, что подтвердил местным

властям Ярославской губернии о необходимости соблюдать нормы снабжения пленными¹⁰ и вероятно даже попытался предпринять какие-то меры по снабжению пленными одеждой. Но уже на следующий день, 24 октября, сославшись на то, что ярославская казенная палата не имеет разрешения отпускать деньги на одежду и обувь для пленными, он сообщил генерал-губернатору о своем решении отправить злополучную партию в Кострому, которая находится всего лишь в 60 верстах от Ярославля. Судя по всему, князь решил просто избавиться от проблемы, рассудив, что до Костромы пленными как-нибудь дойдут.¹¹

В ответ на это послание принц Ольденбургский 26 октября раздраженно писал Голицыну: «Я обязан Вам повторить данное уже Вам предписание насчет партии пленными со всех сторон в беспорядке мною замеченной». Он требовал немедленно возвратить не одетую партию и расположить ее в 15 верстах от Ярославля «с удобностью и не отягощая обывателей», немедленно снабдить их одеждой и организовать их продовольствие так, чтобы они «не могли терпеть ни малейшего недостатка». Вместе с тем, Ольденбургский предложил казенной палате отпустить деньги на одежду пленными и одновременно отнестись по поводу дальнейшего выделения средств на эти цели к министру финансов и главнокомандующему в Петербурге.

Видимо раздраженный отношением к пленными губернских властей и осознав глубину проблемы в тот же день 26 октября 1812 г., Ольденбургский направил обширное донесение императору о ситуации в Ярославле и о предпринятых им мерах. В основу характеристики положения пленными легла констатирующая часть цитированного выше предписания ярославскому гражданскому губернатору от 21 октября.¹²

У нас нет оснований предполагать, что Ольденбургский сгущал краски и излишне драматизировал ситуацию. Мы располагаем рядом независимых свидетельств о печальном положении пленных в Ярославле в сентябре-октябре 1812 г. Одно из них принадлежит дочери Ф.В. Ростопчина, находившейся в Ярославле в эвакуации. Она пишет следующее: «Нам пришлось видеть французов только в качестве пленных, которых присылали в Ярославль из главной квартиры. Во время наших прогулок по берегу Волги мне часто приходилось их видеть и соболезновать их печальному положению. Они были полуодеты и казались голодными и еле живыми от холода. [111] Дома и больницы были наполнены больными и ранеными, ежедневно прибывали новые партии несчастных пленных и я хорошо себе не уясняю, почему их заставляли ждать на главной площади прежде чем развести по отведенным квартирам. Эти несчастные были по большей части одеты в лохмотья, вместо обуви они обвертывали ноги соломой или кусками войлока. К концу октября холода стали невыносимы для полуголых людей и сердце сжималось при виде страданий, переносившихся с поразительным мужеством и веселостью. Надо отдать справедливость ярославцам того времени: сострадание их к обезоруженному врагу было безгранично и должно было снискать им Божие благословение. Каждый раз, когда обоз с пленными появлялся на площади, как тотчас же со всех сторон туда устремлялись разного рода люди с корзинами, наполненными провизией и одеждой. Жалкие телеги пленных наполнялись овчинными тулупами, валенками, теплыми одеялами, пакетами с чаем, сахаром, кофе и хлебом. Богатые помогали деньгами, бедные предлагали, что могли. Некоторые обыватели получили разрешение кормить пленных в своих домах.

Правительству не приходилось ничего давать от себя, и после нескольких дней отдыха пленные могли продолжить свой путь, обильно снабженные всем необходимым, что могло предохранить их от голода».¹³

Факты приводимые Ростопчиной частично объясняются донесением тверского губернатора Л.С. Кологривова принцу Ольденбургскому, которое датировано все тем же 26 октября 1812 г. Он пишет, что хотя после получения предписания принца от 21 октября, он предписал снабжать пленным теплой одеждой, но прежде пленным «не даваемо было одежды теплой, так как судя по погоде, они чувствовать большой нужды в оной не могли, а безвременным отпуском оной я (то есть тверской губернатор - Б.М.) не смел приступить к растрате казенных сумм, в нынешнее время весьма нужных». Но при этом Кологривов категорически заявлял, что он не имел никакого сведения о том, чтобы пленные были в рубищах и босы.¹⁴

Рассказ Ростопчиной дополняется и частично корректируется свидетельством одного из пленных. Пленный медик С.Б. Пешке двигался в составе партии из окрестностей Москвы через Тверь и Ярославль на Нижний Новгород, Пензу и далее.¹⁵ В Ярославле он побывал, судя по всему, во второй половине октября 1812 г. Путь от Твери до Ярославля занял месяц. Это расстояние можно было пройти и за меньший срок, но, по словам Пешке, возглавлявшему конвой сержанту было выгодно тянуть время, так как он наживался, экономя на содержании пленных. И никакие уговоры и угрозы не могли заставить его облегчить их судьбу. Пешке говорит, что сержант имел «не злое сердце», а поведение его объясняет в первую очередь

склонностью простонародья извлекать выгоду везде, где только возможно.¹⁶ Половина партии двигалась пешком и в результате многие пленные, [112] с трудом добравшись до города, падали замертво на порогах домов. Жалобы Пешке были, вероятно, услышаны кем-то из чиновников, когда пленные проходили мимо губернаторского дома. Им быстро отвели квартиры в обывательских домах и пообещали выдать лекарства.¹⁷ Таким образом, в части описания положения пленных рассказ Пешке по крайней мере не противоречит свидетельству Ростопчиной. А вот отношения с жителями он рисует совершенно по иному. Толпа зевак в Ярославле смотрела на пленных как на диких зверей. «Ни с одним из жителей, - писал Пешке, - я не мог завязать разговор, всякий бежал от меня как от бешеного волка». С хозяином квартиры поначалу пленные объяснялись жестами, но один из офицеров, разговаривая по-польски, установил с ним неплохие отношения. Из беседы выяснилось, что настраивает жителей против пленных правительство.¹⁸ Надо полагать, что описание Ростопчиной в той части, где речь идет о помощи населения пленным слишком романтично и вызвано желанием подчеркнуть гуманность своих соотечественников. Особенно неправдоподобно выглядит тезис, согласно которому заботы горожан о пленных простирались так далеко, что делали не нужным вмешательство властей. Тем не менее сам тезис о невмешательстве администрации крайне примечателен. Как мы увидим далее, губернские власти действительно стремились свести свою роль в деле заботы о пленных к минимуму, но совсем по другим причинам.

Есть и еще один мемуарный источник. Это воспоминания о своем детстве писательницы К.К. Павловой, которая в 1812 г.

пятилетним ребенком выехала с родителями из Москвы в Ярославль. «Помнятся мне также странные люди, ходящие по улицам, жалкие ободранные фигуры, о которых мне говорили, что это французские пленники. – Пишет Павлова. - Один из них особенно поразил меня. Вся его одежда состояла из старого одеяла: он носил его необыкновенным образом, прорезав в середине дыру, в которую была просунута голова его».¹⁹ О крайне неблагоприятном положении пленных свидетельствует и официальная статистика. Согласно ее данным по 15 февраля 1813 г. в Ярославскую губернию вошли 3 генерала, 8 штаб- и 88 обер-офицеров, а также 8949 нижних чинов (в это число не включены лица, вступившие в российско-германский легион, численность которых нам не известна). Вышли же из губернии 2 генерала, 7 штаб- и 62 обер-офицера, а также 6726 нижних чинов. Умерли на территории губернии 5 обер-офицеров и 2204 нижних чина (24, 4% - и это с учетом того, что Ярославская губерния была лишь транзитной). На 15 февраля 1813 г. в Ярославской губернии находились 1 генерал, 1 штаб-офицер, 21 обер-офицер и 19 нижних чинов.²⁰

Однако вернемся к ситуации конца октября 1812 г. Оправдывая свои действия, Ярославский губернатор, сообщал Ольденбургскому, что прежде чем отправлять партию пленных, он приказал разделить ее на три разряда: 1) больных, которые [113] не могут далее следовать, 2) не имеющих одежды и обуви – их предписано оставить в Ярославле до экипирования, и 3) «отправлению коих ничто не препятствует». До окончания такой сортировки пленных, ни один из пленных никуда не отправлен. Вместе с тем, Голицын напомнил, что число пленных в Ярославле постоянно

увеличивается и уже достигло 1300 чел. Трудно сказать, лукавил князь или говорил правду, ведь в предыдущих донесениях от 23 и 24 октября он ничего не сообщал о разделении пленных на разряды, а в донесении от 24 числа ссылаясь на отсутствие денег на одежду и писал о злополучной партии как об уже отправленной.²¹ Вероятно, непоследовательность в сведениях вызвала подозрение и у принца Ольденбургского, который 29 октября потребовал от Голицына, чтобы тот представлял все подготовленные к отправке партии лично к нему.²²

7 ноября 1812 г. император, получивший донесение Ольденбургского, направил Кутузову и Витгенштейну рескрипты, в которых, ссылаясь на доставленные принцем Георгием сведения, констатировал, что «состояние пленных взывает к себе человечество». Император предписывал отправлять из армии отправлялись в полном порядке, причем главнокомандующие каждый раз должны были требовать от губернаторов той губернии, куда вступают пленные, соблюдения норм снабжения одеждой и продовольствием, «чтобы люди сии и не отправлялись иначе в путь как по экипировке, которая бы сохранила их от дальнейшей нужды, наипаче в теперешнее зимнее время».²³ Вместе с тем Александр передал через А.А. Аракчеева текст донесения Ольденбургского и обоих рескриптов С.К. Вязмитинову с тем, чтобы Министерство полиции предписало гражданским губернаторам строжайше следить за снабжением пленных всем необходимым, а также под страхом личной ответственности «ни под каким видом не отпускать пленных из одной губернии в другую» без одежды.²⁴ Соответствующий циркуляр был издан Министерством полиции 8 ноября 1812 г.²⁵ Обо всем этом Александр сообщил принцу в письме от 19 ноября 1812 г.²⁶

В тот же день, 19 ноября, в развитие сюжета об одежде для пленных и в ответ на запрос орловского гражданского губернатора, был издан циркуляр Министерства полиции о снабжении пленными зимней одеждой согласно вновь составленному положению.²⁷ Однако вопросом о зимней одежде для военнопленных пришлось Ольденбургскому и его подчиненным заняться несколько раньше. Об этом свидетельствует его переписка с тверским гражданским губернатором. Еще 26 октября в ответ на предписание принца Кологривов сообщал, что он приказал полицмейстеру и исправнику закупать одежду от подрядчика (в частности тулуп или полушубок, прикрывающий колени, суконные шаровары, теплые русские чулки, рукавицы). Получив это донесение, Ольденбургский 3 ноября вновь подтвердил тверскому губернатору свое требование о том, чтобы проходящие партии не имели недостатка в одежде и пище, и сообщил, [114] что будет лично осматривать их по прибытии в Ярославль. Вместо тулупов Ольденбургский предлагал сшить пленным по шинели, так как она дешевле, а также снабдить их куртками и суконными фуражками с наушниками, «которые бы под бородою завязывались». Шить одежду следовало из крестьянского сукна любого цвета. Особо Ольденбургский оговаривал, что снабжать одеждой следует только тех, кто у кого ее нет или она в очень плохом состоянии. В целом же он советовал действовать с учетом казенного интереса «купно с сохранением притом и пленных».²⁸ В ответ на это тверской губернатор писал 8 ноября, что торговцы просят за куртку 10 руб., за шинель – 16 руб, а за тулуп – 15 руб. 85 коп.; таким образом, выгоднее одевать пленных в тулупы, чем в куртки с шинелями. Далее он подтверждал данные генерал-губернатора об отсутствии на

пленных одежды. «Подлинно рубища, в которых их приводят сюда, - писал Кологривов, - не делают почти никакого в отпуске всех вещей на обмундировку их назначенных исключения, мундиры их ветхие и разорванные, шинели и шапки редко у кого есть, а обуви и совсем почти нет». Далее губернатор сообщал, что полушубки и тулупы уже заготовлены, но пленным немцам, согласившимся вступить в русскую службу, он приказал раздавать куртки с шинелями и сапоги, «дабы через то более привести на то желающих».²⁹ Новгородский губернатор П.И. Сумароков писал Ольденбургскому еще 6 ноября, что пленные получают в Новгороде только самую необходимую одежду, так как они приходят туда почти все в «раздранных рубищах» и полное их обмундирование обошлось бы казне чрезвычайно дорого. Как видим, губернатора больше интересовал казенный интерес, чем судьба пленных. «Причем были примеры, - продолжал губернатор, - что сии пленные, получа платье на месте, продавали оное дорого в надежде, что в другом городе будут обмундированы».³⁰ О продаже пленными одежды новгородский гражданский губернатор писал и в декабре, объясняя Ольденбургскому почему партия поляков прибыла в Тверь раздетая. В связи с этим Сумароков даже вынужден был строго запретить жителям покупать от пленных одежду и предписал частным приставам бдительно следить за этим, а в госпиталях вообще отбирать одежду от пленных.³¹ Факты продажи пленными выдаваемого им обмундирования в разных губерниях фиксируют и другие источники. Отчасти это объясняется нехваткой средств на пропитание, а в какой-то степени и наличием спроса на казенный товар. Но справедливости ради надо сказать, что подобное отношение к казенному имуществу (а в данном случае казна была к тому же неприятельская) свойственно не

только пленным. Знаменитый генерал Брусилов писал, что в годы Первой мировой войны большая часть людей, прибывающих на фронт продавала по дороге [115] свои сапоги обывателям, часто за бесценок, и на фронте получала новые.³²

Не смотря на усилия, предпринимаемые властями, положение пленных в Тверской, Новгородской и Ярославской губерниях оставалось очень тяжелым. 3 ноября Ольденбургский в предписании тверскому гражданскому губернатору отмечал, что согласно дошедшим до него сведениям пленные проводятся через губернию «с большими для них притеснениями от земского начальства» и от этого «умирает на каждой станции по пять человек, которые не имеют даже рубашек», а около Кашинна зарыли двух пленных, «которые только что были слабы, а не умерли». Ольденбургский требовал проверить эти сведения и наказать виновных.³³ Новгородский гражданский губернатор писал 6 ноября, что деньгами пленные снабжаются исправно, и возможные злоупотребления отнес на счет чиновников, прибавив, что самому ему «за тем, что делается в пути усмотреть невозможно».³⁴ Впрочем, 2 декабря принц Георгий вновь писал Сумарокову о том, что пленные прибывают в из Новгородской в Тверскую губернию без одежды и обуви.³⁵

Сложное положение было и в Ярославской губернии, где по-прежнему находился Ольденбургский. 9 ноября он направил очередное предписание Голицыну. Генерал-губернатор констатировал, что по дошедшим до него сведениям многие пленные, расположенные в селениях около Ярославля нуждаются в одежде и медицинской помощи. Он требовал немедленно переписать всех офицеров, живущих в городе и уезде, указав сведения о состоянии их здоровья и о том, кто

из пленников в чем нуждается. Данные следовало представить уже к вечеру того же дня. Кроме того, Ольденбургский требовал немедленного помещения больных в госпитали и предупреждал, что в исполнении этого предписания обязательно удостоверится через своего чиновника.³⁶

Не получив вечером никаких сведений от губернатора, (заметим, что собрать их в столь короткий срок было вряд ли реально), принц Георгий на следующий день решил сам вмешаться в ситуацию. Он предписал штаб-лекарю Кельцу взять на себя попечение над военнопленными. В частности, осмотреть нижних чинов в городе и уезде, отправить больных нижних чинов в военный госпиталь, больных офицеров лечить на квартирах медикаментами из того же госпиталя а также выбрать из пленных медицинских чиновников и привлечь их к лечению своих товарищей.³⁷ Одновременно Ольденбургский предписал Голицыну, содействовать силами полиции в осмотре пленных, отправке больных нижних чинов в госпиталь и выделить удобные квартиры для больных офицеров.³⁸ В тот же день принц уточнил свое распоряжение – пленных офицеров разместить в одном доме, подготовив его к утру следующего дня.³⁹ Однако на следующий день, 11 ноября, было выполнено только предыдущее распоряжение принца. Ярославский губернатор [116] прислал список на 39 военнопленных офицерах. Почти все они находились в деревнях под Ярославлем. В самом городе жили лишь подполковник Иоган Антуан Лу, кавалер ордена Почетного легиона (в доме полицмейстера) и капитан Франц Рей с женой Лизаветой Гаузлейтнер (в доме купца Хребекова). Из них здоровыми оказались только 19 человек. Особый интерес представляет графа, в которой указано, в чем нуждаются пленники: семеро из них не

нуждались ни в чем, двое нуждались только в пропитании, семнадцать - в одежде и пропитании, наконец, десять нуждались только в одежде, при этом из 27 человек, которым требовалась одежда, в шубах нуждалось лишь 5 человек.⁴⁰ В тот же день Ольденбургский получил и рапорт от управляющего военным госпиталем Ильинского, который сообщил, что в госпитале уже находится 400 человек и поместить там пленных (около 300 человек, как предполагал принц) возможности нет.⁴¹

Следующий день, 12 ноября, по всей видимости, ушел на анализ ситуации, во всяком случае, документов датированных этим числом в нашем распоряжении нет. Зато 13 ноября 1812 г. Георгий Ольденбургский направил императору из Ярославля еще одно донесение о положении пленных. Он писал, что пленных ведут «большой частью без одежды, времени года соответственной, и в одних совершенно рубищах, больных на пути нигде в больницах не оставляют и не пользуют, так что многие из них на самой дороге преждевременно от голода, болезней и стужи умирают». Ольденбургский сообщал о принятом решении останавливать в Ярославле такие партии, в результате чего там скопилось до двух тысяч пленных, которых он приказал расположить в ближайших к городу селениях. «Но и здесь от одних и тех же причин болезни между ними до такой степени усилились, что угрожают и тем селениям, и самому губернскому городу заразою». Далее он сообщал, что в связи с отсутствием мест в военном госпитале приказал всех больных военнопленных нижних чинов разместить в двух домах на въездах в Ярославль; в отдельном удобном доме расположить больных офицеров; в качестве медицинского персонала использовать медиков

из самих пленных под общим надзором городских врачей. Отправлять пленных в дальнейший путь следовало только «по совершенном выздоровлении и снабжении всем необходимым». Кроме того, Георгий Ольденбургский просил императора направить министру финансов повеление об отпуске ярославской казенной палате на расходы, связанные с пленными, 50 000 рублей.⁴² В тот же день соответствующие предписания о размещении военнопленных и назначении городских врачей к уходу за ними были отданы гражданскому губернатору. На следующий день Голицын сообщил, что дома для пленных он приказал отвести, а медицинские заботы в отношении пленных возложены на акушера врачебной управы доктора Клейгильса, который может выбирать себе помощников из пленных медиков и лазаретных служителей.⁴³

[117] Получивший донесение Александр 19 ноября писал Ольденбургскому, что предпринятые им меры по снабжению пленных одеждой и пищей, а также по размещению их в больницах полностью соответствуют законодательству,⁴⁴ имея в виду прежде всего циркуляр Министерства полиции от 29 августа 1812 г

Однако Ольденбургский, по-видимому, не доверял губернской администрации. Он поручил своему адъютанту, гвардейскому штабс-капитану Нагелю осмотреть расквартированных вокруг Ярославля пленных и донести об их положении. И 16 ноября 1812 г. Нагель представил принцу рапорт,⁴⁵ к которому прилагалась подробная ведомость, которая является итогом уникального для того времени статистического исследования с элементами, выражаясь современным языком, социологического опроса.⁴⁶ Насколько нам известно, это единственный документ такого рода, касающийся пленных, за всю

первую половину XIX века. В ведомости перечислена 71 деревня, где побывал Нагель, с указанием количества дворов в каждой из них, числа расположенных в ней пленных, а также больных и умерших. Далее указана дата прибытия пленных в деревню, данные о получении ими провианта, денег, сведения о выплатах крестьянам за содержание бывших воинов армии Наполеона, о том насколько удобно они расположены по квартирам и как содержатся. Причем в последней графе довольно часто употреблена формулировка «довольны», которая свидетельствует о том, что Нагель спрашивал мнение самих пленных. По ведомости Нагеля в указанных деревнях было 1056 дворов (то есть деревни были малодворные, в среднем около 15 дворов, самая большая – 33 двора). Общее количество пленных, которых обнаружил Нагель – 29 офицеров и 1624 нижних чина, то есть в среднем – по полтора человека на двор. Впрочем, пленные размещались неравномерно, власти предпочитали расквартировывать их по помещичьим деревням (в 24 деревнях на 373 двора приходилось 876 пленных, то есть в среднем по 2,3 человека на двор). Колебания могли быть довольно большие – в селе Городище в 25 дворах, принадлежавших помещикам Власьевым жили 97 человек, в 50 дворах того же села, принадлежащих государству – 20 человек, а в селе Мишукове тех же Власьевых – в 6 дворах размещалось 30 пленных. Из всех пленных 4 офицера и 409 чинов показаны больными, то есть почти 25%. Однако больных помещичьих деревнях не смотря на тесноту было лишь 17,9%. Зато из 124 умерших на помещичьи деревни приходится большая часть – 75 человек (умершие не включены Нагелем в общую сумму, так как по нескольким деревням сумма больных и умерших больше, чем показанное им число пленных, находящихся в данной деревне). В

своим рапорте Нагель счел нужным отметить особо тяжелое положение в двух деревнях (Неверово и Борок), обе деревни принадлежали уже упоминавшимся помещикам Власьевым. [118] Пленные были там расположены по семь человек в «самых худых и нечистых банях», тяжелобольные вместе со здоровыми, «без малейшего присмотра»; пища была плохая, так что многие умерли, а здоровые заболели. Всего же в ведомости в 16 случаях сделаны отметки о плохом содержании и размещении пленных. В пяти случаях это казенные деревни, а в одиннадцати – помещичьи (четыре из них принадлежали все тем же Власьевым). Как видно из отметок в ведомости, основная проблема – расположение пленных по баням. Впрочем, Нагель приказал разместить их по избам. В шести деревнях пленные были расположены «выгодно», в пяти «изрядно», в одном случае графа пустая, в остальных стоит отметка «хорошо». В графе под названием «как содержатся» только в шести случаях стоят отметки, свидетельствующие о тяжелом положении пленных (в двух случаях уточняется, что пленные «кормятся худо», и в одном случае – даже жалуются на побои). В одиннадцати деревнях пленные содержались «хорошо», в трех случаях данных нет, а об остальных в ведомости сказано, что они «довольны». В рапорте Нагеля также говорится, что пленные расположены, за исключением некоторых селений, «довольно выгодно», пропитание получают от обывателей. Вместе с тем Нагель пишет, что «одежда на них совершенно ветха и едва укрывает их от холода» и поэтому крестьяне вынуждены снабжать их и одеждой. Деньги пленные последний раз получали только в Твери (на 7 дней). Согласно ведомости лишь в трех деревнях пленные получали деньги (47 человек) Из рапорта и ведомости также видно, что провиант

военнопленные не получали вовсе, равно как ничего не получали и за содержание их крестьяне. В рапорте Нагель отмечает также, что больным медицинская помощь не оказывается, в том числе и офицерам, которые «не имея приличной их болезням пищи и присмотру, совершенно изнемогают». Некоторые офицеры заявили Нагелю, что хотя в Кашине (Тверская губерния) сельскому заседателю, препровождавшему их, и были выданы деньги, «он оные удержал», а кроме того делал непомерно большие изнурительные для пленных переходы, чтобы освободить, не бескорыстно конечно, жителей богатых деревень от постоя, так что пленным приходилось ночевать в деревнях «малых и убогих». Таким образом, данные рапорта и ведомости свидетельствуют о крайней неэффективности губернской администрации в вопросе снабжения пленных, которая ограничилась лишь тем, что переложила бремя забот о солдатах Великой армии на крестьян, не позаботившись ни о денежных выплатах, ни об одежде.

После получения этого донесения Ольденбургский, переехавший в середине ноября 1812 года в Тверь, продолжил свои заботы о пленных. Однако предпринятая им остановка пленных создала в подчиненных принцу [119] губерниях весьма сложное положение. Из Твери 28 ноября он писал смоленскому гражданскому губернатору, что в Тверскую губернию из Смоленской отправляется много пленных без одежды и обуви, среди них масса больных, значительная часть пленных погибают в пути. Поэтому он, принц Георгий, выполняя высочайшую волю, был вынужден их одевать, снабжать продовольствием и лечить. А между тем число русских раненых и больных пленников превысило число мест в госпиталях. В связи с этим, а также из-за начавшейся среди населения эпидемии (виной чему

были пленные), и «по самому состраданию к их положению», принц просил не отправлять пленнх из Смоленской губернии иначе, как снабдив их одеждой, обувью и «содержанием», а больных оставлять в госпиталях, не отсылая далее. «Таковое с пленными поступление благоугодно государю императору, об оном взывает человечество и требует самая предосторожность от заразы» - заканчивает Ольденбургский свое послание к смоленскому губернатору.⁴⁷ В свое оправдание смоленский губернатор писал, что партия, о которой пишет Ольденбургский, отправлена из Вязьмы. Там находилось около 1500 пленнх, лишеннх «всего того призрения, которое по милосердию государя императора им назначено». Они не получали не только денег и одежды, но и содержались в холодных покоях и сараях, потому что других помещений в разоренной Вязьме не имелось. В Смоленской губернии, как писал далее губернатор, коммерция остановилась, торги еще не возобновились, так что достать одежду для пленнх было невозможно. Поэтому он предпочел отправить пленнх в Тверь, снабдив их частично крестьянской одеждой, «сколько по селениям отыскать было можно», и предупредив заранее обо всех этих обстоятельствах тверского губернатора.⁴⁸

Сложной продолжала оставаться и ситуация в Ярославле, поэтому еще 19 ноября принц Георгий предписал всех пленнх офицеров, которые могут следовать, в сопровождении чиновника своей канцелярии отправить в Саратов.⁴⁹ 2 декабря Ольденбургский писал ярославскому губернатору из Твери: «При всем попечении правительства о продовольствии и содержании военнопленнх, известно однако же мне не в первый уже раз, что по Ярославской губернии во всем они нуждаются». Одну из причин такого положения

принц видел в том, что при земских судах и градских полициях нет списков «о числе и имени пленных», а также книг, куда записываются выдаваемые пленным порции, одежда, выплачиваемые обывателям кормовые деньги или отпускаемый провиант. Принц требовал, чтобы земские суды, городничие и полицмейстеры вели упомянутую документацию, и особенно, чтобы указывали даты смерти пленных, во избежание выплаты содержания мертвым душам.⁵⁰

[120] Очевидно, что описываемая Ольденбургским ситуация, создавала широкие возможности для злоупотреблений и коррупции. Опасения принца по всей вероятности имели основания. Так в Тверской губернии уже после войны производилось расследование по поводу расходования казенных средств, отпущенных на содержание пленных. Как явствует из его материалов, деньги на пленных отпускались на неделю вперед, а провиант на месяц, однако, не смотря на большую смертность, ни одного счета о возвращенных деньгах представлено не было.⁵¹ Кроме того, как явствует из тех же документов, полностью отсутствовали документы о выдаче пленным одежды.⁵² По поводу учета пленных Голицын отвечал Ольденбургскому 14 декабря, что на основании его, губернатора, распоряжений все местные начальства должны вести «списки о числе пленных», а при сдаче партий объявлять количество умерших; из казенной палаты и из уездных казначейств выдаются тетради для записи расходов и под его личным наблюдением заготавливается одежда. Что касается составления именных списков, то Голицын замечал: «сверх продолжений времени и остановок откроются многие затруднения и умножится опасность от прилипчивой болезни, которою заражены пленные и которая возникла уже на всех дорогах». При этом

он ссылался на предписание Вязмитинова, согласно которому именные списки следовало составлять только после того, как пленные придут в губернии, назначенные им для жительства.⁵³ Таким образом, губернатора, как и раньше, прежде всего заботила скорость отправки пленнх. Однако это донесение уже не застало принца Георгия в живых. Он умер в Твери в ночь с 14 на 15 декабря, заразившись горячкой во время осмотра одного из госпиталей.

Забота Ольденбургского о пленнх проявлялась и в том, что он с участием относился к судьбе отдельных воинов Великой армии, обращавшихся к нему за помощью. Так 3 ноября принц направил предписание тверской полиции, в котором писал о пленном польском полковнике Савинском, который жаловался, «что он помещен здешней полицией в одной комнате с хозяином дому, тогда как он, потеряв на сражении ногу и без того страдает». Ольденбургский строгойше предписывал: «дать сему тяжелораненому офицеру удобную квартиру и впредь в помещении больных здесь в городе так распорядиться, чтобы и человечеству оказываемо было сострадание, и чтобы я отнюдь не мог встречаться с подобными жалобами».⁵⁴ В ноябре 1812 г. проводимый через Тверь французский подполковник Жирард обратился к Ольденбургскому с жалобой. История подполковника вкратце такова. Жирард был взят в плен казаками 18 октября вместе со своей женой, девятнадцатилетней итальянкой. Он просил казачьего подполковника Чернозубова не разлучать его с женой, на что получил согласие, однако генерал Иловайский разлучил их и оставил мадам Жирард и «людей» подполковника при себе. [121] 3 ноября француз передал с казачьим офицером письмо Иловайскому, в котором «умолял его прислать жену и человека», но не получил никакого ответа.

Подполковник просил принца о воссоединении с женой. «Я уверен, что она, также как и я погружена в глубокое отчаяние от разлуки и неизвестности друг о друге», - писал француз и выражал готовность сам ехать с провожатым на поиски супруги. Возмущенный Жирард указывал, что «военные офицеры не могут терпеть, чтобы жена могла быть разлучена с ними, но генерал Иловайский забыл, что он должен оберегать пленных, забыл также и то, что с ним может так же случится и то, что все то, что принадлежит пленным, должно быть бережено и почитаемо». «Самый бы худой французский генерал не сделал бы такого поступка с русским офицером и даже ни один солдат» – заканчивал свою жалобу подполковник. Кроме того, Жирард просил разрешения написать письмо во французскую армию принцу Евгению, чтобы тот выслал пленнику денег на одежду, ибо его «платье все отобрано шедши сюда мужиками».⁵⁵ 28 ноября Ольденбургский направил М.И. Кутузову оригинал жалобы Жирарда, а также ряд его писем во французскую армию.⁵⁶

Мы располагаем еще одним документом, происходящим из канцелярии принца Георгия Ольденбургского, который датирован декабрем 1812 г. Это проект предписания городничим и земским исправникам Новгородской, Тверской и Ярославской губерний относительно пленных французов. Успел ли принц Ольденбургский утвердить его до своей смерти, мы не знаем. Но обращает на себя внимание констатирующая часть проекта, которая рисует положение пленных в самый тяжелый для них период. В документе говорится, что не смотря на все строжайшие предписания, пленные препровождаются «часто без одеяния, времени года приличного, и, снося то стужу, то голод, то всякого рода притеснения, преждевременно умирают». В тех

случаях, когда пленных все-таки размещают по квартирам, они все равно находятся в очень плохих и стесненных условиях. Вина за такое положение целиком возлагается на нераспорядительность местных властей. Отмечается также распространение болезней, как среди пленных, так и среди хозяев квартир, с которыми пленные находятся в одних помещениях. Сообщается о фактах продажи одежды, снятой с военнопленных, в основном больных, что также способствует развитию эпидемии.

В связи с этим в проекте содержится ряд предписаний городничим и земским исправникам. Они должны лично осматривать все прибывающие партии пленных, составлять описи имеющейся на них одежды, после чего выдавать недостающие вещи согласно положению о зимней одежде для военнопленных. При отправке экипированных и снабженных продовольствием пленных местные власти должны были вручать конвойным реестр с показанием, кто из пленных во что одет. Соответствующие сведения должны были доставляться гражданскому губернатору [122] и генерал-губернатору. Во время пребывания в городах и уездах здоровых пленных следовало располагать на постой по квартирам, больных же «не теряя ни одной минуты» отделять от здоровых и располагать в отдельных избах, выселив предварительно оттуда хозяев. Лечение пленных возлагалось на городских и земских врачей, а лекарства для них следовало брать из военных госпиталей. Избы, где находились больные, предписывалось вымораживать и выкуривать можжевельником, а умерших немедленно сжигать в соответствии с высочайшим повелением от 14 ноября 1812 г. Годную одежду, оставшуюся от умерших, предписывалось отдавать другим партиям, а негодную сжигать вместе с трупами. Ситуация с

одеждой была, видимо, настолько сложной, что экономические соображения, все-таки перевешивали соображения медицинские. Этот пункт выглядит тем более странным, что сжигать предписывалось и старую одежду оставшуюся от живых пленных после выдачи им новой, а следующий пункт прямо запрещает под страхом суда продажу одежды, оставшейся от больных пленных.⁵⁷ Между тем по данным ярославского земского суда на февраль 1813 г. в Ярославском уезде «нанесенной пленными горячкой» заболели 1443 жителей, из которых 1106 выздоровело, 119 умерли, а 183 чел оставались больными.⁵⁸ Кроме того, в Ярославле заразились от пленных горячкой 1375 человек, из которых к 11 февраля 1813 г. 819 выздоровели, 195 умерли и 361 оставались больными.⁵⁹ В Романовском же уезде заболело 1416 чел, выздоровели 836 и умерли 243, оставались же больными 385.⁶⁰

Тяжелое положение пленных во многом связано с объективными причинами, в первую очередь с невозможностью снабдить всем необходимым сразу огромное их количество. Поэтому воины Великой армии двигались из одной губернии в другую в самом плачевном состоянии. Вместе с тем играли роль и субъективные причины. Как видно из приведенного выше материала, позиция ярославского гражданского губернатора князя М.Н. Голицына заключалась в том, чтобы как можно скорее избавиться от пленных, отправив их в дальние губернии. Состояние самих пленных и вопросы человеколюбия, его, по-видимому, мало занимали. В этой позиции, впрочем, был и некоторый рациональный смысл, заключавшийся в том, чтобы снизить бремя забот, выпавших на долю населения губернии (а заодно и губернской администрации). Прямо противоположная позиция была у молодого, получившего европейское воспитание генерал-губернатора

принца Ольденбургского. Его распоряжения в первую очередь мотивированы заботой о самих пленным и вполне соответствуют существовавшим на тот момент европейским нормам международного права. Именно такими соображениями руководствовался принц, когда принимал решение об остановке пленным, проходивших по территории Ярославской губернии. В какой-то мере остановке пленным должен был способствовать и циркуляр 8 ноября 1812 г., принятый в результате рапорта Ольденбургского императору. Вне зависимости [123] от воли законодателя он предполагал оставление пленным в губерниях хотя бы на некоторое время, так как быстро снабдить одеждой массу бывших воинов

Великой армии было невозможно. Благодаря действиям Ольденбургского, таким образом, складывалась практика остановки пленным в транзитных губерниях. Влияние Ольденбургского определялись спецификой его положения. В значительной мере оно было обусловлено родственной близостью к царствующему дому. Вместе с тем должность генерал-губернатора также давала ему право непосредственного обращения к императору, позволяла координировать действия властей в подчиненных губерниях, и более эффективно и главное, оперативно, решать возникающие проблемы, сводя к минимуму переписку с центральными учреждениями.

Остановка пленным в Ярославской губернии явилась прецедентом для решения, принятого Комитетом министров в декабре 1812 г., когда прекращение движения пленным стало единственным средством предотвратить дальнейшее распространение эпидемии. В отличие от идеалиста Ольденбургского, Комитет министров руководствовался в первую очередь именно этим, прагматическим,

соображением. Однако в реальности вопросы государственной безопасности и гуманного отношения к пленным оказались тесно связанными. Угроза эпидемии среди населения могла бы быть существенно уменьшена, если бы местное начальство с должным рвением выполняло распоряжения Министерства полиции об одежде и питании пленных или во время поставило вопрос о приостановке их отправления. Ведь в ноябре театр военных действий уже довольно далеко отодвинулся от центральных губерний России, и нахождение в них пленных вряд ли могло представлять опасность.

¹ Бессонов В.А. Военнопленные Великой армии 1812 г. в России (по материалам Калужской губернии). Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. Самара. 2001; Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1999. С. 12-23.

² РГИА (Российский государственный исторический архив) Ф. 1409 Оп. 1. Д. 1899 Л. 19

³ Там же. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 21

⁵ Там же. Л. 25, 45

⁶ Там же. Л. 23

⁷ РГИА Ф. 1286 Оп. 2. 1812 г. Д. 319 Л. 3

⁸ РГИА Ф. 1409 Оп. 1. Д. 1899 Л. 53-55

⁹ Там же. Л. 57

¹⁰ Там же. Л. 62-63

¹¹ Там же. Л. 66

-
- ¹² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии Вып. 10. СПб., 1899. С 252-253
[124]
- ¹³ Пребывание в городе Ярославле семьи гр. Ф.В. Ростопчина осенью 1812 г. по описанию Н.Ф. Нарышкиной, рожденной гр. Ростопчиной. // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии Кн. 3. Вып.3. Ярославль, 1912. С. 11-12.
- ¹⁴ РГИА Ф. 1409 Оп. 1. Д. 1899 Л. 77-78
- ¹⁵ [Пешке С.Б.] Выписка из записок Пешке // Тамбовская губерния в 1812-1813 гг. Рефераты и статьи членов Тамбовской ученой архивной комиссии с приложением документов. Тамбов 1915. С. 124
- ¹⁶ Peszke S. Moj pobyt w niewoli rossyjskiej w r. 1812. Warszawa. 1913. S. 25, 26
- ¹⁷ Peszke S. Op. cit. S. 26
- ¹⁸ Peszke S. Op. cit. S. 25-26
- ¹⁹ Павлова К.К. Мои воспоминания // Собрание сочинений Т. 2. М., 1915. С. 282.
- ²⁰ ГАЯО (Государственный архив Ярославской области) Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 110
- ²¹ РГИА Ф. 1409 Оп. 1. Д. 1899 Л. 73
- ²² Там же. Л. 74
- ²³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии Вып. 2. СПб., 1889. С.163-165
- ²⁴ Там же С.304

-
- ²⁵ ГАПО (Государственный архив Псковской области) Ф.20. Оп. 1. Д. 387. Л. 33
- ²⁶ РГИА Ф. 1409 Оп. 1. Д. 1899 Л.130
- ²⁷ ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки) Ф.152 Оп. 1. Д. 277. ЛЛ. 9-10
- ²⁸ РГИА Ф. 1409 Оп. 1. Д. 1899 Л. 79
- ²⁹ Там же. Л. 84
- ³⁰ Там же. Л. 104
- ³¹ Там же. Л. 160
- ³² Брусиллов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 200-201
- ³³ РГИА Ф. 1409 Оп. 1. Д. 1899 Л. 81
- ³⁴ Там же. Л. 105
- ³⁵ Там же. Л. 146
- ³⁶ Там же. Л. 86
- ³⁷ Там же. Л. 87
- ³⁸ Там же. Л. 89
- ³⁹ Там же. Л. 88
- ⁴⁰ Там же. Л. 91-96
- ⁴¹ РГИА Ф. 1409 Оп. 1. Д. 1899 Л. 109
- ⁴² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 10 СПб., 1899. С. 265-266
- ⁴³ РГИА Ф. 1409 Оп. 1. Д. 1899 Л. 112
- ⁴⁴ Там же. Л. 130.
- ⁴⁵ Там же. Л. 117
- ⁴⁶ Там же. Л. 118-123

⁴⁷ Там же. Л. 135-135 б

⁴⁸ Там же. Л. 162-163

⁴⁹ Там же. Л. 128

⁵⁰ Там же. Л. 142-143

⁵¹ Там же. Л. 179

⁵² Там же. Л. 184

⁵³ Там же. Л. 144

⁵⁴ Там же. Л. 155

⁵⁵ Там же. Л. 147-150

⁵⁶ Там же. Л. 151

⁵⁷ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 14. Ч.2. СПб., 1913. С. 145-148.

⁵⁸ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 54

⁵⁹ Там же. Л. 30

⁶⁰ Там же. Л. 29